

УДК 82+167

ЭРИХ АУЭРБАХ: КАК РОЖДАЕТСЯ МЕТОД

Долгорукова Н.М.

В данной статье предпринята попытка проследить процесс формирования методологии немецкого литературоведа Э. Ауэрбаха. Автор статьи предлагает видеть истоки мыслей о методологии литературоведческих исследований в идеях Фосслера и его последователей и прослеживает рассуждения о методе Ауэрбаха от его классической работы «Мимесис» до поздних статей.

Ключевые слова: Эрих Ауэрбах, герменевтика, М.М. Бахтин, школа Фосслера, школа Соссюра, метод, подступ.

ERICH AUERBACH: THE BIRTH OF THE METHOD

Dolgorukova N.M.

This article examines the formation of E. Auerbach's conception of methods in philology. We argue that the source of E. Auerbach's conception is works of Fossler and his followers. The article analyzes E. Auerbach's conception of method from his classic book "Mimesis" to his later works.

Keywords: Erich Auerbach, hermeneutics, M.M. Bakhtin, Vossler' schools of thought, Saussure' schools of thought, method, approach.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году. В данной научной работе использованы результаты проекта «Европейская словесность XIX-XX веков в кросскультурной перспективе: текст и контекст», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что она имеет своим предметом практически неизвестные методические рассуждения немецкого филолога Эриха Ауэрбаха и базируется на источниках, частично мало известных в русском литературоведении, а частично не переведенных и не

введенных в исследовательский оборот.

Романо-германская филология или школа Фосслера

Михаил Бахтин под маской Владимира Волошинова издал в 1929 году в Ленинграде книгу, которую по праву называют «введением в социолингвистику» – «Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке». Именно в ней Бахтин противопоставляет две школы в современном ему языкознании: «абстрактный объективизм» и «индивидуалистический субъективизм». Одним из представителей школы «индивидуалистического субъективизма» является Ауэрбах, но для начала мы, опираясь на Бахтина, дадим характеристики первой школы, школы «абстрактного объективизма».

Корни этой школы – в рационализме и неоклассицизме XVII – XVIII вв., в начале XX века ее ведущими представителями стали Фердинадт де Соссюр, Шарль Байи, Сешей – «Женевская лингвистическая школа». Как напоминает нам Бахтин, «Соссюр исходит из различия трех аспектов языка: языка-речи (langage), языка как системы форм (langue) и индивидуального речевого акта высказывания (parole) [...] Речь (language), как и высказывание, являясь индивидуальными актами воли, не могут быть, по Соссюру, объектом лингвистики» [5, с. 126]. Собственно лингвистическим элементом высказывания являются всегда тождественные формы языка, содержащиеся в нем. Все остальное – «побочно и случайно». По Соссюру, язык противоположен высказыванию как социальное и индивидуальное. Представителей этого направления интересует языковая система как система фонетических, грамматических и лексических форм языка – нормативная языковая система, не зависящая от индивидуальных творческих актов высказывания. Бахтин выделяет четыре основных характеристики данной школы:

1. Язык есть устойчивая неизменная система нормативно тождественных языковых форм, преднаходимая индивидуальным сознанием и непререкаемая для него.

2. Законы языка суть специфические лингвистические законы связи между языковыми знаками внутри данной замкнутой языковой системы. Эти законы объективны по отношению ко всякому субъективному сознанию.

3. Специфические языковые связи не имеют ничего общего с идеологическими ценностями. Никакие идеологические мотивы не обосновывают явления языка. Между словом и его значением нет ни естественной и понятной сознанию, ни художественной связи.

4. Индивидуальные акты говорения являются, с точки зрения языка, лишь случайными преломлениями и вариациями или просто искажениями нормативно тождественных форм.

Школе «абстрактного объективизма» противостоит школа «индивидуалистического субъективизма» или «школа Фосслера», истоки которой нужно искать в деятельности Гумбольдта, в немецком романтизме. Ее основные представители – такие известные исследователи романских литератур, как: Карл Фосслер, Лео Шпитцер, Эрих Ауэрбах, Э. Р. Курциус, Б. Кроче. Для представителей этой школы язык является эстетическим феноменом. «Школе Фосслера» Бахтин дает следующие характеристики:

1. Язык понимается здесь как деятельность, непрерывный творческий процесс созидания, осуществляемый индивидуальными речевыми актами.

2. Законы языкового творчества суть индивидуально психологические законы.

3. Творчество языка – осмысленное творчество, аналогичное художественному.

4. Язык как готовый продукт, как устойчивая система языка (словарь, грамматика, фонетика) является как бы омертвевшим отложением, застывшей лавой языкового творчества, абстрактно конструируемый лингвистикой в целях практического научения языку как готовому орудию.

Таким образом, «школа Фосслера» – эта «эстетическая лингвистика», постулирует примат стилистики над грамматикой. «В каждом речевом акте, с точки зрения становления языка, важны не те грамматические формы, которые

обща, устойчивы и наличны во всех других высказываниях данного языка, а важны индивидуальная, лишь для данного высказывания характерная, стилистическая конкретизация и модификация этих абстрактных форм» [5, с. 121].

«Издавна», – писал Эрих Ауэрбах своему коллеге по Марбургскому университету Лео Шпитцеру, – «немецкая романистика находится в особом положении. Она происходит, благодаря Уланду и Дицу, из романтического историзма, это значит – из движения, которое от Гердера через Шлегелей до Якоба Гримма подняло мысль об историческом развитии и о том или ином индивидуальном народном духе, осуществляющем это развитие, до всеохватывающей руководящей идеи филологии» [4, с. 746].

Еще одна важная особенность работ Ауэрбаха и представителей «школы Фосслера» – «это – исходное и принципиальное дву- и разноязычие – «релятивизм» или «перспективизм» (как выражались в школе Фосслера) национально-исторических языков, миров и мировоззрений. Продолжая свою мысль об «идее филологии» в немецкой романистике, Э. Ауэрбах в цитируемом методологическом введении к своей книге «Литературный язык и публика в латинской поздней античности и в средневековье» отмечает, что историзм потому и развился в романской филологии столь активно, но при этом не в националистическом духе (в отличие от преобладавших в XIX – начале XX вв. тенденций), что романских народов не один, а несколько, причем от немецкого (языка исследователя) они отличаются еще больше, чем между собою, будучи, однако «связаны с ним через общий субстрат антично-христианской цивилизации» [4, с. 747].

В своем анализе европейских авторов Ауэрбаха больше всего интересуют стилистические и языковые аспекты, при этом ему скорее чужда идея жанра и памяти жанра. «Свойственный индивидуалистическому субъективизму общий, с бахтинской точки зрения, недостаток – недопонимание или недооценка социально-хоровой («диалогической») природы творчески-речевой деятельности в искусстве и в жизни – имеет, тем не менее, другую,

положительную сторону, которой, по мысли М.М. Бахтина, как раз лишен абстрактный объективизм», обращающийся к проблемам «жанра», «дискурса», «письма», «идеолекта» и т.п. надындивидуальных факторов *слова*» [4, с. 748]. Бахтин акцентирует пограничный характер исследований, выполняющихся в школе Фосслера: «Очень часто можно услышать обвинение в Фосслера и фосслерианцев в том, что они занимаются больше вопросами стилистики, чем лингвистикой в строгом смысле слова. В действительности школа Фосслера интересуется *вопросами пограничными*, поняв их методологическое и эвристическое значение, и в этом мы усматриваем *огромные преимущества* этой школы» [4, с. 750].

Заканчивая свое сопоставление двух школ, Бахтин замечает: «Насколько школа Фосслера не популярна в России, настолько популярна и влиятельна у нас школа Соссюра», – однако это замечание, брошенное вскользь, требует отдельного рассмотрения и сегодня мы об этом говорить не будем. Мы обратимся к трем работам Ауэрбаха, метод и принципы которых теперь должны проясниться.

***Ansatz* или подступ**

Ауэрбах работает над своей самой главной и самой известной книгой – «Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе» во время второй мировой войны в Стамбуле. Сразу после окончания войны, в 1946 году, Ауэрбах издает ее в Швейцарии: «Mimesis. Dargestellte Wirklichkeit in der abendländischen Literatur» (Bern. 1946 ; исп. пер. – 1950, англ. – 1953, итал. – 1956, франц. – 1968, рус. – 1976). Определенный метод и подход исследователя, который в одной книге обозрел литературу 3 тысячелетий, отчасти был вызван условиями работы над книгой, обстоятельства, в каких писался «Мимесис» могут быть охарактеризованы поговоркой «не было бы счастья, да несчастье помогло». Или, как характеризует их сам Ауэрбах: «... исследование это было написано в Стамбуле, во время войны. Здесь нет хорошей библиотеки для занятий европейской культурой; международные связи прерваны, – я был вынужден почти совсем отказаться от журналов, от

большинства новых исследований, нередко даже обходиться без надежных критических изданий текстов. [...] Нехваткой специальной литературы и журналов объясняется отсутствие примечаний; помимо самих текстов, я цитирую мало, а это малое было легко ввести в само изложение. Впрочем, вполне возможно, что своим созданием эта книга обязана именно отсутствию большой библиотеки; если бы я стремился приобрести знание всего, что когда-либо было написано по тому или иному вопросу, – а предметов здесь так много, – то я бы, наверное, никогда бы и не написал самой книги» [2, с. 548].

Вынужденная фрагментарность, интерес не к контексту, биографии, жанрам, а к самому анализируемому тексту, точнее к его стилю и языку – характерные особенности метода фосслерянца Ауэрбаха. Но именно через стиль Ауэрбах раскрывает два судьбоносных события в истории европейского «мимесиса», отражении действительности в западноевропейской литературе – «разделение стилей» (*Stiltrennung*), античного канона (и классицизма), и «смешение стилей» (*Stilmischung*), которое характерно в особенности для Нового завета, анализ стиля которого и его сопоставление со стилем Гомера в «Одиссее» и открывает «Мимесис». Уже в первой его главе – «Рубец на ноге Одиссея» – тонкий стилистический анализ маленького фрагмента «Одиссея» в его сопоставлении с фрагментом рассказа из Ветхого Завета о жертвоприношении Исаака приводит к осмыслению разницы греческого и библейского типов мышления, греческой и библейской литературы и культуры.

Это наводит Ауэрбаха на осмысление дальнейшего развития этих двух стилей в европейской литературе и служит исходным пунктом (запомним это важное словосочетание!) для попытки исследовать изображение действительности в европейской культуре: «Эти стили противоположны и представляют собой два основных типа. Один (гомеровский стиль. – *Н.Д.*) – описание, придающее вещам законченность и наглядность, свет, равномерно распределяющийся на всем, связь всего без зияний и пробелов, свободное течение речи, действие, полностью происходящее на переднем плане, однозначная ясность, ограниченная в сферах исторически развивающегося и

человечески проблемного. Второй (библейский стиль. – *Н.Д.*) – выделение одних и затемнение других частей, отрывочность, воздействие невысказанного, введение заднего плана, многозначность и необходимость истолкования, претензии на всемирно-историческое значение, разработка представления об историческом становлении и углубление проблемных аспектов» [2, с. 44].

Таким образом, два стиля, которые выделяет Ауэрбах, гомеровский и Ветхого завета, служат ему исходным пунктом для путешествия в веках европейской литературы, поскольку вывод, к которому приходит Ауэрбах, следующий: «в том виде, в каком эти два стиля сложились еще в весьма раннюю эпоху, они оказали основополагающее воздействие на изображение действительности в европейских литературах» [2, с. 44].

Основные методические соображения Ауэрбаха мы найдем в двух его поздних текстах – в статье последних лет жизни «Филология мировой литературы» (1952) и посмертно изданной книге «Литературный язык и публика в эпоху поздней латинской античности и средневековья» (1957).

Уникальный метод филологического исследования, разработанный Ауэрбахом еще в «Мимесисе», в поздних работах получает теоретическое осмысление. Уже в «Мимесисе» Ауэрбах имел дело с огромным материалом нескольких тысячелетий развития европейской литературы. Исследователь был вынужден отказаться от традиционных историко-литературных монографий в духе XIX века или романов à la В. Вульф, не ставящих перед собой целью выстроить описание событий во всей их полноте и последовательности, но выхватывая лишь отдельные мотивы и фрагменты.

В «Филологии мировой литературы» Ауэрбах говорит о трудностях, с которыми сталкивается современная гуманитарно-филологическая деятельность сегодня. «В своем понимании «гуманитарно-филологической» деятельности Ауэрбах подчеркивает два принципиальных момента, между которыми у него явное напряжение: с одной стороны, грандиозный исторический опыт XX в. и огромный материал, собранный исследователями в различных областях гуманитарии» [2, с. 44]: «В нашем распоряжении сегодня

материал шести тысячелетий со всех концов Земли примерно на пятидесяти литературных языках. Многие из культур, о которых мы имеем теперь достоверные знания, сто лет назад еще не были даже и открыты, а другие культуры, хотя и были известны по отдельным фрагментам, практически оставались неизвестными, если сравнить эти фрагменты с необозримой массой новых источников, которые доступны нам сегодня. Даже эпохи, изучавшиеся на протяжении столетий, предстали теперь, благодаря новым находкам, настолько в новом свете, что понимание этих эпох стало совсем иным и возникли совершенно новые проблемы» [3, с. 129].

Весь этот огромный материал требует, по мнению Ауэрбаха, такого «синтетического» исследования, каким является книга Э.Р. Курциуса «Европейская литература и латинское средневековье» (1948); с другой стороны, по Ауэрбаху, сегодня филологу необходимо работать только с «достоверным» (*certum* – категория Вико, которого в молодости Ауэрбах много переводил) и не поддаваться «искушению, к которому и без того имеют склонность многие начинающие и не только начинающие исследователи; искушение это состоит в том, чтобы путем гипостазирования абстрактно упорядочивающих понятий как бы сразу овладеть всею конкретной полнотой подлежащего материала, что приводит к стиранию предмета» [3, с. 131].

Ауэрбах предостерегает от «абстрактного объективизма». Но что он предлагает взамен? Ауэрбах советует для осуществления любого большого замысла «найти некоторый наводящий исходный пункт, заход или подступ (*ein Ansatz*) – как бы рукоять, которая позволяет ухватиться за предмет» [3,131]. Выделив, таким образом, небольшой круг феноменов, исследователь должен приступить к интерпретации, которая раскроет их внутренний смысл, а также выявит новые феномены, связанные с изначальными, но расширяющие круг исследования. «Этим путем может двигаться также и молодой, даже начинающий исследователь, – успокаивает нас Ауэрбах, – ведь если с помощью одной только интуиции сумеешь занять удачную исходную позицию, то это может оказаться достаточным даже в том случае, если культурный

горизонт такого исследователя относительно скромнен; советы старших коллег здесь как-то возместят этот недостаток» [3, с. 135-136].

Итак, главное по Ауэрбаху – «найти такой конкретный феномен, который имеет четкие границы и который можно описать специальными средствами филологии, – феномен, который делает понятным конкретное осуществление всего замысла» [3, с. 136]. Примеры подобных «подступов» разнообразны и могут включать как, например, исследования о месте писателя в литературе XIX века, так и первые комментарии «Комедии» Данте или высказывания о публике определенного писателя. Главное, чтобы исходный пункт исследования не был всеобщностью и имел четкие и конкретные границы. Только тогда «сами вещи смогут заговорить».

Примерно те же мысли Ауэрбах высказывает в методологическом введении «Намерение и метод» к книге, изданной посмертно – «Литературный язык и публика в эпоху поздней латинской античности и средневековья». Ауэрбах повторяет, каким методом должен пользоваться исследователь: «отобрать точные вопросы, очень четко очерченные и доступные, развить их и сформировать таким образом, чтобы они выступали в качестве ключевых проблем и открывали Целое. [...] Целое это, таким образом, будет организовано как диалектическое единство, как драма или, как сказал однажды Вико, как серьезная поэма» [1, с. 14]. И, ниже: «найти исходные пункты или ключевые проблемы, которые стоят того, чтобы специализироваться на них, поскольку путь от них приведет нас к знанию широкого контекста таким образом, что свет, им излучаемый одновременно осветит и весь исторический пейзаж» [1, с. 26].

Практически дословное повторение мысли говорит о ее значимости для Ауэрбаха. Идеальным исходным пунктом Ауэрбах считает интерпретацию отдельных текстовых фрагментов: «Un point de départ presque idéal est l'interprétation de passages textuels» (Идеальный исходный пункт – это интерпретация фрагмента текста. Пер. с франц. – *Н.Д.*) [1, 27]. Не случайно в «Мимесисе», своей главной книге, он пользовался именно им.

Список литературы:

1. Auerbach E. Le Haut Langage: langage littéraire et public dans l'Antiquité latine tardive et au Moyen Age. P.: Belin, 2004.
2. Ауэрбах Э. Мимесис. М.: Прогресс, 1976.
3. Ауэрбах Э. Филология мировой литературы // Вопросы литературы, сент.-окт. 2004.
4. Бахтин М.М. Собрание сочинений. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2003. Т. 2.
5. Волошинов В.Н. Новейшие течения лингвистической мысли на западе // Литература и марксизм. 1928. Кн. 5.

Сведения об авторе:

Долгорукова Наталья Михайловна – кандидат филологических наук, преподаватель НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

Data about the author:

Dolgorukova Natalia Mikhailovna – Candidate of Philological Sciences, lecturer of the Higher School of Economics (Moscow, Russia).

E-mail: Natalia.dolgoroukova@gmail.com.